

Андрей ЧЕРНОВ:**Офелия
не утонула!**

400 лет назад состоялась премьера «Гамлета». И только сегодня выяснилось, что мы читали совсем другую пьесу. Так утверждает поэт Андрей Чернов, который только что закончил новый перевод и комментарий этой самой знаменитой трагедии Шекспира. Чернову не впервой подобным образом будоражить общественность: он реконструировал (то есть попросту дописал) 10-ю главу «Евгения Онегина» и сделал поэтический перевод «Слова о полку Игореве», который высоко ценит Дмитрий Сергеевич Лихачев.

— «Гамлет» был поставлен в «Глобусе» в сезон 1600/01 года, то есть премьера могла состояться как раз сегодня, когда мы с тобой беседуем. Поставили, играли, а потом забыли. Во время Английской революции Кромвель запретил театр. Вспомнили о Шекспире, когда не осталось в живых никого, кто помнил бы эту постановку. 70 лет прошло! Текст был издан по суфлерской копии. Там почти нет ремарок. Эта пьеса не про то, что в ней прочитали.

— А про что? Или про кого?

— Про человека новейшего времени, которого Шекспир успел увидеть. И ужаснуться. Про того, кто прикажет стражникам бить алебардой тень покойного короля. (Гамлету об этом, конечно, не сообщит.) За полвека до того, как будет обезглавлен английский король. «Года три назад я заметил, что носок крестьянина стал натирать ногу дворянина», — говорит Гамлет. То есть дело идет к революции. Заканчивается эпоха. И Шекспир единственный это видит. Так что пьеса могла называться не «Трагедия Гамлета, принца Датского», а по-иному.

— Неужели «Вишневый сад»?

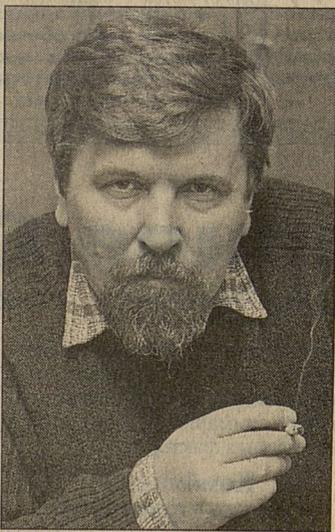
— Нет. «Горацио». Его имя не от античного Горация, а от слова «рацио» (ratio), то есть прагматик. Шекспир «шифрует» свой текст на Евангелии. Открой вторую главу Второго послания апостола Петра, где речь идет о надутых пустословах — лжеучителях и лжепророках, там прочитаешь и про Клавдия, и про Горацио, который куда страшнее. Этот тип — открытие Шекспира. Я долго не мог понять, почему Шекспир так ненавидит этого «частично друга» и «частично верующего», почему он его высмеивает. Пока не дошел до места, где Офелия якобы утонула. Но в тексте черным по белому написано, что Офелию утопили...

— И где же ты это вычитал?

— К королеве приходят двое — джентльмен без лица и имени, то, что мы называем человеком из спецслужб, и Горацио. Джентльмен говорит, что Офелия безумна. Вступает Горацио: «в озлобленных умах она сеет опасный посев». Входит Офелия, потом король. А когда она уходит, король говорит: «Следуйте за ней по пятам...» Но чуть раньше он это произносит вслед Гамлету, добавляя: «Убей его, король английский!». Формула заказа убийства! Джентльмен и Горацио по-своему правы: безумная дочь одним своим видом может взорвать кажущуюся тишину. Так и будет: сцена закончится восстанием Лаэрта. Но юнца король сумеет уболтать. И вот приходит королева и говорит: Офелия утонула. Как утонула? Да так: там есть ива над ручьем (не над морем или озером!), Офелия полезла украшать ее цветами, сучок подломился, она оказалась в воде и была прекрасна, как наяда. Недолго держалась на поверхности, но пела... отрывки из разных песен. «Недолго» — это сколько? И кто все это видел? Да тот, кто следовал по пятам.

— Как минимум Горацио можно обвинить в неказании помощи!

— В суде — да. Но у драматургии свои законы и доказательства. По ним Горацио — убийца Офелии. Очевидно, была в спектакле интермедия, не попавшая в ту суфлерскую копию. И когда к Горацио приходит главарь пиратов,

АЛЕКСАНДР КОРОЛЬКОВ

профессиональный душегуб, тот с первого взгляда понимает, что перед ним коллега. Задача Горацио — стать вторым в государстве. Для этого он едет за Гамлетом в Виттенберг, потом становится шпионом Клавдия. В конце пьесы он выделяется уже перед Фортинбрасом. Это пьеса про человека, которому не стыдно. Такими будут Кромвель, Сталин, и многие политики и бизнесмены.

— А специалистам ты свою работу показывал?

— Без них ничего бы и не было. Моя основа — оригинал и прозаический перевод Михаила Морозова, новый перевод, который по моей просьбе сделала театровед Ольга Коршакова. Я работаю с шекспироведом Игорем Шайтановым, Александрой Борисенко из МГУ, переводчицей Анной Макаровой. Иногда нам везет.

— Задашь параметры, как астроном для новой звезды?

— Бывает и так. Считалось, что Гамлет тучный, с одышкой, что слова королевы нельзя перевести по-другому. Но как тогда он мог фехтовать с лучшим фехтовальщиком Дании и Франции? Как могла его полюбить прекрасная Офелия? Аня Макарова нашла подобное выражение — о запотевшей комнате — в «Генрихе IV». Гамлет взмок и задыхается!

— Видно, не зря режиссеры выбирали на роль Гамлета стройных и красивых? Иначе они не могли поставить?

— А я — перевести. Когда читаешь, то можешь пропустить все, что не нравится. А когда переводишь, такой возможности нет.

— Не боишься, что тебя воспримут как нового Пилилова? («Известия» писали о книге этого автора, который доказывал, что никакого Шекспира не было.)

— Я не боялся, когда искал могилу декабристов на Голодае, когда нашел рифмовку в «Слове о полку Игореве». А тут испугался. Потому что, как сказал актер Леша Хардинов, что же, 400 лет — коту под хвост? Когда в Питере в «Интерьерном театре» читал, то понял: все нормально.

— То есть что люди готовы, что они чего-то такого смутно ждали?

— Эдуард Успенский сказал: как здорово, а я-то думал, что-то там не то! Видимо, и у других этот пазл не складывался. Через какое-то время это станет общим местом. Так иногда бывает: «черные доски» оказались живописью Андрея Рублева, а «Ночной дозор» — летним полднем.

Юлия РАХАЕВА